

ФЕНОМЕН “ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО НОВОГО” В DASEIN- И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ (АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)*

А.БАРАННИКОВ**

В данной публикации автор продолжает исследование приобретений и потерь в рамках “феномена экзистенциально нового”. Он пытается преодолеть противоречия Dasein- и экзистенциального анализа, включив в Dasein понятие “Персона” (Person) и отводя данному понятию главное место в центрировании личностной позиции. Приобретения и потери рассматриваются как формы переживания, имеющие универсальное значение для психотерапии. Автор также предлагает интерпретировать трансценденцию не только как выход за пределы антропологического, но и как внутриантропологический феномен.

Об интенционально-трансцендентной природе человека и “чувстве жизни”

Как видно из предыдущего материала, “феномен экзистенциально нового”, которому посвящена данная статья, – одно из ярких проявлений интенционально-трансцендентной природы человека. Хотелось бы более подробно остановиться на механизмах интенциональности и трансцендентности, а также на участии витальности (энергии телесно-психического уровня) в этих процессах. Ведь, как утверждает П.Тиллих, любая интенциональность содержит в себе витальность в виде побудительной силы (Тиллих, 1998). Попробуем взглянуть на то, как развитые В.Франклом представления о трехмерной картине человека соотносятся с различными формами интенциональности и трансцендентности, а также с разнообразными изменениями энергетических процессов, происходящими на всех трех уровнях (здесь уместно напомнить, что под интенциональностью мы понимаем “направленность, нацеленность на...”, а под трансцендентностью – “выход за пределы...”).

Мы можем обнаружить два вида интенциональности в соответствии с двумя видами диалога: одна направлена на Мир, другая – на себя. Интен-

* Продолжение. Начало статьи см. в МПЖ № 2, 2003г.

** Баранников Александр Сергеевич – доктор медицинских наук, директор медицинского центра, преподаватель МПГУ, председатель секции экзистенциальной психотерапии ППЛ, член совета директоров российско-австрийского Института экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии.

циональность, направленная на Мир, трансцендентна уже по определению. Интенциональность, направленная на себя, реализуется в самонаблюдении и самопознании, при которых Я становится объектом. Иногда она выступает в феномене “экзистенциально нового”. Так, например, инсайт можно рассматривать как пример феномена “экзистенциально нового”, где соединяются интернальные и экстернальные аспекты. Он может сигнализировать об укреплении (в случае оттенка приобретения), либо разрушении (если преобладает оттенок потери) двух типов взаимосвязей, представляющих собой укоренение субъекта в себе и в окружающем Мире. Эти взаимосвязи напоминают внутреннюю и внешнюю пуповины, обеспечивающие энергетическую подпитку человека. Инсайт – это импульс, имеющий духовную и психодинамическую составляющую. Благодаря ему человек узнает “экзистенциально новое” о тех взаимосвязях, в которых он находится. Инсайт открывает новую возможность и занимает промежуточное положение между первичной эмоциональной реакцией и интегрированной эмоцией.

Реализуемая через трансценденцию интенциональность в норме выступает одним из механизмов, позволяющих нам поддерживать баланс расходования и мобилизации энергии. Эти процессы происходят одновременно (хотя и не всегда однонаправленно) на телесном, психическом и духовном уровнях. В связи с этим, для лучшего понимания связи интенциональности-трансцендентности с энергетическими процессами необходимо остановиться на самом процессе получения и расходования энергии человеком.

Как известно, основным источником энергии для человека является пища. Один только вид пищевых яств чрезвычайно нас оживляет. Это психическое оживление мы испытываем на рынках или перед застольем, с нетерпением ожидая, когда будет готово любимое блюдо. В ходе приготовления пищи мы придаем энергии те формы, которые могут быть усвоены организмом. Получаемая таким образом энергия может тратиться некоторое время без пополнения. В органах и тканях организма существуют свои способы ее преобразования, накопления и расходования.

Психика также требует перевода телесной, организменной энергии в удобоваримые формы. Структура, выполняющая данную функцию, – самость. Самость – это большая психическая митохондрия*. Подобный взгляд на самость согласуется с современными юнгианскими представлениями о ней как о скоплении трансцендентной энергии (Самуэлс, 1997). Нельзя при этом не отметить, ссылаясь на взгляды К.Г. Юнга, что в самости заложены и проекты психических структур. То же можно сказать и о некоторых

* Митохондрия – структура, обеспечивающая выработку и трансформацию энергии в клетке, “энергетическая машина” клетки.

структурных образованиях *Dasein*. По мнению В.Франкла, самость содержит духовный потенциал человека и *глубинную персону* (Франкл, 2000).

Совершая шаг, проявляя любой вид активности, человек получает доказательство своей живости, подкрепляемое энергетическим импульсом в виде мобилизации, трансформации, или расходования энергии. Так он реализует свою интенциональность и трансцендентность в физическом и природном мирах. В то же время сущностные интенциональность и трансцендентность реализуются в *Dasein*, в мире *Mitwelt* (взаимоотношения с человеческими существами) и *Eigenwelt* (собственный мир). Сущностное предполагает изменение экзистенции. Таким образом, *Я-смотрящее* в *Dasein* (см. предыдущую публикацию) – это тот же шаг. Он также “направлен на...”.

Но человек обладает уникальной способностью оживлять и одухотворять неживое физическое. Благодаря этому свойству камень “оживает”, оказавшись в стене храма, предметы обихода приобретают интенциональный смысл, а тело и органы чувств приобретают интенциональные свойства в контексте жизни конкретного человека.

Если, как мы уже указывали выше, интенциональность – это “нацеленность на”, а трансценденция – “выход за рамки”, то необходимо уточнить, о каких, собственно, рамках идет речь. Экзистенциальная философия не забывала отмечать то значение, которое в жизни человека имеют внешние и внутренние границы-рамки. Об этом писали С.Кьеркегор (1998), М.Хайдеггер (1997), К.Ясперс (2000) и другие. По мнению О.Ф.Больнова, обладающие конститутивным характером границы встраиваются в самое существо человека (Больнов, 1999). Не претендуя на глубокое освещение этого вопроса в данной публикации, ограничусь хотя бы обозначением уровней, на которых могут рассматриваться рамки-границы в трехмерной картине человека.

Физические рамки – это пространственные границы нашего тела и области досягаемости органов чувств. Сюда же относятся рамки, определяемые внутренним гомеостазом и проявляющие себя нашим самочувствием. Психические рамки – это границы, образуемые биологически-операциональными структурами психики и психическими феноменами. А духовные рамки охватывают область преимущественно содержательно-смысловых структур и феноменов, имеющих общее поле с духовно-экзистенциальным измерением.

Все виды интенциональности и трансцендентности, осуществляемые в рамках природно-физического мира, я называю *физиогенными*. Уровню психики соответствуют *операциональные* интенциональность и трансцендентность, а духовному уровню – *сущностные*. В персональной Встрече происходит взаимодействие субъекта и объекта на всех этих уровнях. Од-

нако при встрече с “экзистенциально новым” актуализируются, в основном, сущностные интенциональность и трансцендентность, осуществляя себя путем интернализации Мира и встречающегося с Миром – Я.

Любая физическая активность не безразлична для психики, а любое интеллектуальное движение вызывает определенные изменения в теле (вспомним психосматику). В различных видах активности мы можем наблюдать относительную автономность витально-интенциональных проявлений различных уровней. Самыми яркими в этом отношении являются примеры, где физическая усталость сопровождается психическим подъемом (многие хорошо помнят фразу, которую встречали в учебниках русского языка: “Усталые, но довольные пионеры возвращались домой”). Мне приходилось не раз замечать, как повышается психический тонус после занятий в тренажерном зале, даже если при выполнении упражнений я отмечал их механичность и однообразие.

Каждый шаг навстречу миру расходует физическую энергию, но запускает трансформацию и мобилизацию психической энергии, обеспечивая обратную связь. “Шаг” имеет символическое значение со-бытия с Миром, с Другим, диалогических отношений с Миром. Это трансцендентный акт в природно-физическом пространстве, который всегда имеет психические последствия, но может вызывать и ноодинамический эффект. Мобилизация, расход и трансформация энергии происходят непрерывно на телесном, психическом и духовном уровнях, где имеются собственные механизмы-митохондрии.

Все названные уровни участвуют в энергетических процессах одновременно, но с разным количественным и качественным вкладом. Среди общеизвестных раздвигающих рамки Я, энергезирующих видов активности – рассказывание анекдотов, участие в спортивных соревнованиях и даже всего лишь наблюдение за ними, демонстрация различных видов рекламы и т.д. и т.п. Степень и характер энергетического импульса определяется тем, в какой степени и каким образом происходит “выход за рамки”. Получаемое при этом впечатление обычно обеспечивается сочетанием операциональной трансценденции и сущностной.

Для того, чтобы, хотя бы в общих чертах, разобраться в особенностях операциональной и сущностной интенциональности и трансцендентности, обратимся к некоторым примерам.

Помню, насколько невероятной была победа одного из российских лыжников на зимней олимпиаде. Рекорду мешали и погодные условия, и сильные соперники, и то, что российские спортсмены никогда не получали медалей на данной дистанции. Об этом без усталости твердил комментатор соревнований. Победа казалась абсолютно недостижимой, выходящей за

все возможные рамки. Но дело кончилось победой. И легко представить, какой эмоциональный подъем вызвала она у болельщиков.

Качество анекдотов и их энергизирующий эффект также в значительной степени определяются тем, насколько удастся очевидное представить невероятным (прямая трансценденция), а невероятное – очевидным (обратная трансценденция).

Всем известен рекламный трюк, когда наряду с основным предметом продажи в комплекте оказывается длинный перечень предметов, которых покупатель совсем не ожидает. При этом качество товаров всегда представляется как превосходящее существующие представления.

Интересен эффект энергизирующего трансцендирования при исполнении джазовых импровизаций. Исполнитель как бы балансирует на грани, показывая, что способен по-разному переходить эту грань своими неожиданными пассажами. Он манипулирует границами, что дает мощный энергетический импульс. Остальная группа музыкантов при этом может “раскачивать” темп, показывая, что сами рамки, в которых проводится импровизация, также неустойчивы. Это усиливает энергизирующее воздействие. Мне приходилось неоднократно испытывать это, когда я увлекался джазом и играл на фортепьяно в составе небольшого эстрадного коллектива.

Однажды вечером, уставший, я ехал в электричке, возвращаясь с работы домой. Один из пассажиров внезапно стал рекламировать небольшое по размерам издание библии. Я был абсолютно равнодушен к этой информации, так как библия таких размеров у меня уже была. Неожиданно продавец заявил, что раздаст несколько экземпляров бесплатно. При этом у меня возник сильный энергетический всплеск, которого я от себя совершенно не ожидал. Я захотел получить библию во что бы то ни стало, и буквально выхватил экземпляр у него из рук. После этого я почувствовал себя довольно обескураженным, понимая, что совершил необдуманый поступок и что библия мне не нужна. Я утешал себя, что приобрел таким путем не носки и не рубашку. Книга все же имела для меня несколько бóльшую ценность. Но порог восприятия этой ценности был снижен: внезапность информации вызвала эмоциональную реакцию, за которой последовал произвольный импульсивный поступок... Такого рода импульс имеет характер взрывной волны, затрагивающей одновременно все уровни реагирования. Он непременно задевает и экзистенциальное измерение с векторами приобретений и потерь. Однако персональная позиция человека может не соответствовать первичной эмоциональной реакции.

Все вышеперечисленные примеры иллюстрируют многообразие опыта интенциональности и трансцендентности, с которыми мы сталкиваемся в жизни. Они демонстрируют также многообразие способов трансформации и расходования энергии, будучи отнесены главным образом к операцио-

нальной трансцендентности. Тем не менее, во всех вышеприведенных примерах мы могли наблюдать, как операциональные интенциональность и трансцендентность, пусть кратковременно, но что-то меняют в сущностной сфере нашего бытия. Это происходит потому, что операциональные изменения, сопровождаясь энергетическим импульсом, могут вызывать “чувство жизни”, соотносящееся с субстанциональностью. Оно является не только психодинамической, но и важной экзистенциальной характеристикой.

“Чувство жизни” – мостик между операциональным и сущностным, между психодинамикой и ноодинамикой. Его постоянное присутствие отражает облигатную разомкнутость *Dasein* в плоскости не только Я – Мир, но и Я – Я. Когда ни на что нет сил, блекнет и яркость бытия.

С изменением данного экзистенциала происходят изменения других характеристик *Dasein* (пространство, время, понятность и др.). Подобное наблюдение позволяет сделать вывод о том, что операциональная и сущностная трансценденции, как правило, сопутствуют друг другу. Операциональная трансценденция представляет собой проживание импульса и чувств. Проработка содержаний ей менее свойственна. Импульс в данном случае остается “слепым”, хотя некоторые пра-содержания в виде ощущения приобретений и потерь – вполне различимы. Импульс и чувства служат пусковым механизмом трансценденции. Однако переживание в дальнейшем сущностной трансценденции требует интернализации и проработки соответствующих содержаний. Операциональная трансценденция может предшествовать сущностной, но может и не иметь такого продолжения.

Внимание, уделяемое нами энергетическим аспектам феномена “экзистенциально нового”, является, на наш взгляд, вполне оправданным. Благодаря рассмотрению этих аспектов, наше видение последствий “встречи с новым” существенно расширяется. В интенционально-трансцендентной природе человека становится более очевидной сопряженность психодинамики и ноодинамики.

Человек всегда нацелен на получение энергии, хотя в способах ее получения у каждого имеются собственные предпочтения. Многих людей притягивает любая информация, имеющая выраженный энергизирующий аспект, и они готовы черпать ее из уст знакомых, страниц и экранов масс-медиа, новинок популярной художественной литературы. Это – скандальная хроника, детективы, фантастика, “ужастики”, рассказы о необычных событиях, с кем-либо происшедших. Эти люди нацелены на получение энергии в процессе коммуникации. Условно можно выделить две ее формы: общение, в котором человек, в основном, “заряжает” себя сам (*интернальные энергизирующие формы*), и общение, где для “подзарядки” в большей степени используется самотрансценденция других или трансцен-

дентный характер событий, связанных с другими (*экстернальные энергизирующие формы*, иногда приобретающие характер более или менее активного “вампиризма”). В зависимости от характера получаемого в коммуникации импульса можно также различать ее персональные и копинговые формы.

Ценностные духовные содержания в большой степени приобретают статус структур психики также благодаря их энергетической привлекательности и энергетической поддержке.

Первичные операциональная и физиогенная интенциональность-трансцендентность – это трансценденция, так сказать, “снизу”, из психодинамического “подвальчика”, описанного З.Фрейдом (историческая дорога психоанализа). Сущностная интенциональность-трансцендентность – это трансценденция преимущественно “сверху” (путь гуманистической и экзистенциальной психотерапии). Примерами первичной сущностной трансценденции могут служить самоактуализация и вершинные переживания, описанные А.Маслоу (1997), а также некоторые виды религиозного опыта. Таким образом, трансценденция рассматривается нами не только как выход за антропологические пределы, но и как внутриантропологический феномен*.

Каждая форма сущего содержит в себе зачатки других форм. Именно поэтому стало возможным огромное разнообразие живой и неживой природы на Земле. В спорах по поводу первичности телесного либо духовного, как правило, не отрицается наличие связи между ними. Такая связь может означать, что в месте их соединения имеется некая общность структуры. И переход находится как раз в области психического и операционального. Его предпосылкой является то, что человек всегда нацелен на “выход за пределы” во всех своих ипостасях.

Следует все же отметить, что впечатление, обеспечиваемое импульсом и чувствами, с одной стороны, и идущий из глубины Я “голос персоны” (*Person*), с другой, имеют различную природу, на что указывает в своих работах А.Лэнгле (*Лэнгле, 2002*). Тем не менее, есть все основания полагать, что “чувство жизни”, будучи порождением операциональной интенциональности и трансценденции и сопутствующих им энергетических процессов, является одновременно и психодинамической, и экзистенциальной универсальной характеристикой. Здесь происходит встреча (но не слияние!) психодинамики и ноодинамики. С этой точки зрения, приобретения и потери имеют сходство. Они отражают описанное К.Г.Юнгом “искрение противоположностей”, в котором рождается жизнь (*Самуэлс, 1997*). Нахождение или ненахождение Я самим собой за рамками Я создает градиент

* Автор предполагает, что такой взгляд может иметь значение для построения разрабатываемой им медицинской модели психотерапии. Он по-своему старается развивать традицию антропологического трансцендентализма.

энергетического потенциала. Односторонний взгляд на ситуацию в аспекте только приобретения либо только потери отражает разрыв противоположностей, что сопровождается блокированием либидо** и диссоциацией в восприятии реальности. При этом меняется соотношение активности *Person* и чувств. По мере того как происходит снижение осознания противоположностей и интегрирующей функции рефлексии, возрастают интенсивность и хаотичность психических процессов. Но вместе с тем, активизация существующей в подсознании противоположной установки дает толчок направленной прогрессии энергии, вызывая разблокировку либидо. Так “чувство жизни” оживляет и освежает наше интенционально-трансцендентное бытие.

О символике встречи с “экзистенциально новым”

Попытаемся взглянуть на приобретения и потери, возникающие при встрече с “экзистенциально новым”, с точки зрения их символического значения.

Опять зададим вопрос: что, собственно говоря, приобретается? Именуемое “приобретением”, несомненно, имеет отношение к человеческому Я и к *Person*. Это – то, что способно сущностно их выявлять, приближать, увеличивать. Наиболее подходящим термином в психотерапии, отражающим этот феномен, мне представляется термин “актуализация”. Метафора актуализации – *жизнь*.

Потеря представляет собой форму сущностного ограничения, сужения, отдаления, регламентации. Метафорой такого предельного ограничения, регламентации выступает *смерть*.

Актуализация и *регламентация* – особые формы интенциональности, отражающие “направленность на” себя и проявляющиеся в Я-аспекте при встрече с “экзистенциально новым”. Можно сказать, они содержат в себе Эрос и Танатос, однако в значительно более широком, сравнительно с традиционным, понимании.

Известно, что Э.Гуссерль не проявлял особого интереса к субъекту. Однако введенная им в научный обиход идея трансцендентно-феноменологического восприятия оказалась чрезвычайно важной для понимания человеческого Я в целом и значения экзистенциально-персональной позиции в особенности. В пользу этого говорит то внимание, которое в различных направлениях психотерапии уделяется ряду близких по смыслу понятий, таких как самоактуализация, самовоплощение, аутентичность и др., где находит отражение тенденция выявления, приобретения Я.

** Термин “либидо” в данном случае используется как синоним витальности.

Таким образом, приближение к границе Я, выход за эти границы, замыкающее *Dasein* столкновение с Миром и с самим собой означают прикосновение не только к жизни, но и к смерти. Встреча с “экзистенциально новым” всегда предполагает потерю старого и прощание со старым. Говоря иначе, в любой встрече присутствует потеря. Так, жизнь “впечатывается” в смерть, а смерть “впечатывается” в жизнь. Биноккулярное зрение, охватывающее онтологическое и онтическое, приобретения и потери, отражает богоподобность человека. Как отмечал Пауль Тиллих, “вопрос о бытии порожден шоком небытия” (Тиллих, 1998). Эти его слова означают, что тема смерти, помимо прочего, является весьма энергетически насыщенной областью. В интенциональных и трансцендентных актах, в *Dasein*, встреча со смертью, как это ни парадоксально на первый взгляд, возрождает жизнь. Соответствие Я и Мира основано на законах равновесия и усредненности. Нарушение данного соответствия связано с законами дисбаланса. О существовании этих двух типов законов писал М.Бубер (1995). Забота *Dasein* и антиципирующее предугадание (Хайдеггер, 1997) составляют ту основу, которая определяет центрирующие Я-тенденции в случаях как потери, так и приобретения. Оптимальной мерой этих тенденций является персональная позиция.

Витальность, как об этом писал Пауль Тиллих (*op.cit.*), не отделима от интенциональности. Изменчивы лишь их формы. В характере интенциональности содержатся секреты различных форм жизни. Как уже говорилось выше, даже предметы неживой природы, будучи включенными в *Dasein*, оживают. Они также становятся интенциональными, как это случается с самыми привычными предметами в сказках Ганса Христиана Андерсена. То же самое происходит с омертвевшими частями Я, которые интегрируются в *Dasein*. У человека вместо ноги может быть протез, но и с помощью протеза он может сделать шаг к своей судьбе. Встреча с “экзистенциально новым” предполагает возможность рождения, связанного с прикосновением к смерти.

Но забота *Dasein* простирается значительно дальше. Она охватывает не только возможности жизни и смерти, но и сферу *забвения*, понимаемого как истинное небытие, или *ничто* (реальность, в которой нет меня, нет моих оценок). Пирамиды Хеопса и другие бессмертные творения искусства – это вызов не только смерти, но и забвению. Достижения, которые осуществляет человек в борьбе с забвением, опережают и продлевают заботу *Dasein*. Новое такого порядка всегда имеет ритуальный оттенок жертвенности. И тот, кто способен на такую жертву, интуитивно либо осознанно осуществляет заботу не только о своем, но и об общем *Dasein*. В результате этого “вечно новое” в виде бессмертных творений человека всегда, находясь ря-

дом с нами, в той или иной мере опережает нашу жизнь. Это – форпосты жизни в вечности, являющиеся одновременно и целью и средством.

Встреча со смертью предполагает и возможную встречу с забвением. Проработка этой проблемы в ходе экзистенциальной психотерапии открывает новые возможности для жизни.

Сам акт восприятия предполагает возможность встречи с приобретением (за которым предполагается символика жизни), с потерей (за которой предполагается символика смерти), а также с реальностью, в которой нет меня, нет моих оценок (за ней предполагается символика забвения). Реальность содержит в себе сочетание онтологического и онтического. Это сочетание не является строго упорядоченным. В реальности смешаны вечность и забвение с сиюминутностью и дуновением жизни. Упорядочивание реальности – это прерогатива человека. Он способен соотнести ее различные формы, расположив их на одной линии в центральной структуре Я, как это показано на *рис. 1*. Реальность, не являющаяся формой опоры, представляет собой угрозу в виде крайней формы потери – безвозвратной потери. В то же время как потеря, так и приобретение, обращают нас к себе, давая надежду нахождения себя, обретения опоры в себе. Онтологическое в реальности говорит нам посредством образов вечной природы, безграничного космоса и других своих обличий: “Многое было и многое будет, но тебя не было и не будет”. В этой связи вспоминается тост, произнесенный одним из героев прекрасного грузинского фильма “Не горюй”: “Тому, кто долго шел дорогой жизни, бог даровал возможность забвения. Забвение идет по следам жизни и смывает эти следы”. Фотограф, увековечивая своих клиентов, сталкивает вечность и сиюминутность, жизнь и смерть, онтологическое и онтическое в парадоксальном единстве. Это единство всегда удивляет.

Известно, что в психодинамической психотерапии символика *жертвенности* в значительной степени противостоит символике смерти (Моник, 1999). Она важна и в психотерапевтической проработке проблем приобретений и потерь, являясь мостиком к нахождению смысла и широко понимаемой ноодинамической опоры.

Приведу конкретный пример из психотерапевтической практики, связанный с проблемой потери и отражающий различие религиозного и психотерапевтического взгляда на жертвенность.

Одна из моих пациенток в возрасте 62 лет, очень религиозная женщина, обратилась в связи с проблемой, которую она представила следующим образом. Они с мужем ведут достаточно скромную и малообеспеченную жизнь. Вместе с тем, они имеют полное юридическое право распоряжаться дачей, которая осталась им в наследство от умерших родственников. При этом, другие близкие родственники безапелляционно требуют

безвозмездной передачи прав на пользование и продажу этой дачи, не обосновывая свое пожелание ни юридически, ни с точки зрения морали. Их доводы лишены какой бы то ни было убедительности, но желание распорядиться дачей столь велико, что эти люди упорно настаивают на своем. Клиентка затрудняется в том, чтобы занять сколько-нибудь определенную позицию в этом вопросе. Как человек религиозный, она обратилась к священнику за советом. По мнению батюшки, дачу необходимо отдать родственникам. Эта мысль очень импонировала моей клиентке и ее скромному мужу. К тому же, клиентке казалось, что она дала надежду напористым родственникам, не оглашая несколько месяцев окончательного решения по этому вопросу. Однако в ее душе возникали и вполне обоснованные сомнения.

Во время консультации мы с клиенткой подробно рассмотрели значение феномена жертвенности в человеческой жизни, а также его предполагаемые исторические, религиозные и психологические корни. Таким образом, мы достраивали необходимый диапазон онтологического “заднего” плана (см. *рис.1*). Это прояснило многие туманные места в позиции клиентки. Она заметила, что не могла получить от священника такого исчерпывающего объяснения. Различие религиозной и психотерапевтической позиции в данном вопросе выяснилось в особенности тогда, когда мы подошли к возможным решениям. Оказалось, что психотерапевт способен понять значение ритуала жертвоприношения, однако при этом он не посягает на жизненные интересы самой клиентки и помогает ей приобрести значительную степень свободы при решении вопроса о наследстве.

Во-первых, для клиентки очевидной стала необходимость работы с чувством ложной вины, которое мучило ее все это время. Во-вторых, были рассмотрены возможные формы “жертвы”, и дело свелось к выбору наиболее достойной из них (от подарка в виде небольшой суммы строптивым родственникам, извинения перед ними, до внесения части вырученной от продажи дачи суммы в копилку церкви и пр.). Благодаря этому клиентка продвинулась к возможности принять действительно свободное и ответственное решение.

Думаю, что священнослужитель оказался в данном случае не на высоте даже с точки зрения религии и пренебрег возможностями рассуждения и соотнесения религиозного подвига со своими возможностями.

Жертвоприношение – это компенсаторное приобретение, восстанавливающее баланс потери, уравнивающее прошлое, настоящее или будущее. Примеров, демонстрирующих значение этого феномена, достаточно много в традициях различных народов, в мифологии (вспомним, хотя бы, *Поликратов перстень*), в фольклоре, в различных проявлениях повсе-

дневных человеческих отношений. Когда я извиняюсь перед уважаемым читателем за то, что отнимаю у него время и силы на чтение моей статьи, я принимаю на себя ответственность за сохранение его и моего баланса приобретений и потерь. Извинение представляет собой готовность к жертве, а иногда и самую жертву (в зависимости от формы и переживания извинения) в связи с реальной, либо возможной виной.

В оправдании мы также стараемся уравновесить не только нашу собственную самооценку, но и самооценку другого. Извиняясь, мы больше заняты другим, а оправдываясь – собой. Так мы *ухаживаем* за собой и нашими отношениями.

Представленный в этом разделе материал свидетельствует о том, что символика встречи с «экзистенциально новым» достаточно разнообразна и содержит в себе дополнительные ресурсы терапевтического взаимодействия с клиентом.

Значение для психотерапии

Описание “феномена экзистенциально нового” имеет определенные теоретические и практические последствия для психотерапии.

Структурные особенности *Dasein* при встрече с “экзистенциально новым” отражают механизмы описанного Л.Бинсвангером феномена “сужения миропроекта”, которые обосновываются нами с позиций полюсного подхода. Открытию “бинокулярного зрения” у пациента-клиента предшествует его открытие у психотерапевта в виде представлений о первичных оценочно-семантических формах реагирования при встрече с “экзистенциально новым”. Следует отметить, что нахождение собственного баланса приобретений и потерь может рассматриваться как процедура, которая содействует выработке персональной позиции. Причем способность занять персональную позицию соотносится со способностью определить баланс приобретений и потерь. Более того, возможные приобретения и потери могут быть предопределены самой персональной позицией. Для пояснения этой мысли разберем некоторые семантические особенности и последствия такой активности, как сексуальная, выделив два ее вида: деперсонифицированная и персонифицированная сексуальность.

Деперсонифицированная сексуальность:

“У меня есть что-то такое, что может заинтересовать любого. Возможно, это заинтересует и тебя. Не знаю, интересно тебе это или нет. И точно так же не знаю, нужен ли мне именно ты. Возможно, это и не так”.

В данном содержании мы видим, что деперсонифицированы и Я, и Ты. При подобной “встрече” диапазон возможных приобретений и потерь сводится к минимуму. Такая позиция часто бывает защитной.

Персонифицированная сексуальность:

“У меня есть что-то такое, что может быть тебе интересно. Для меня важно, чтобы это заинтересовало именно тебя. Не знаю, интересно тебе это или нет, но я открыта только тебе. Речь идет о тебе и обо мне. Как это для тебя, не слишком?”

Или:

“У меня есть что-то такое, что может заинтересовать. Речь идет не о любом. Тем более, это ни в коем случае не относится к тебе. Не знаю, интересно ли это тебе или нет, но лично меня не интересуешь именно ты. Как это для тебя, не слишком?”.

И т.д.

В данном случае ощутимо, насколько предполагаемый диапазон приобретений и потерь, обусловленный наличием персональной позиции, зависит и от результатов “встречи”.

Психодинамическая Я-составляющая приобретений и потерь малосодержательна. Она отражает операциональную интенциональность и операциональную трансцендентность, которые воспринимаются как импульс. Это означает ее семантическую слепоту.

Экзистенциальная персональная составляющая всегда пробуждает экзистенциально значимые содержания. Чем больше персонального в позиции, тем содержательнее ситуация и шире возможный горизонт семантического видения, открывающегося в виде “бинокулярного взгляда” на потери и приобретения, на онтический и онтологический полюса. Определение баланса приобретений и потерь всегда связано с тем, что у человека имеется персональная, свободная и ответственная позиция. Так восстанавливается особый семантический экзистенциал, который М.Хайдеггер определил как “понятность” (*Хайдеггер*, 1997). “Экзистенциально новое” – это своеобразный призыв к тому, чтобы человек нашел и занял персональную позицию в отношении переживаемого баланса приобретений и потерь. Подобная постановка вопроса позволяет рассматривать стремление к новому в качестве не столько влечения (М.Арброс), сколько духовной интенциональности, “воли к смыслу” (*Франкл*, 2000), которыми и обусловлено действительное отличие человека от животных.

Что помогает приобретению персональной аутентичной позиции, исходя из сказанного выше?

Собственный жизненный опыт, опыт практической работы и простые геометрические измерения, отраженные на *рис. 1*, убеждают, что, чем ярче проявляется децентрация Я, тем большая дистанция по отношению к онтическому полюсу требуется для занятия персональной позиции. Одна из самых важных терапевтических задач – поиск необходимой дистанции, который протекает в балансирующем режиме посредством сменяющих друг друга приближения и удаления от онтического к онтологическому полюсам

и обратно в сопровождении индивидуальных персонально-экзистенциальных согласований. Уникальность таких согласований обеспечивается сочетанием индивидуального масштаба оценок с неповторимой специфичностью каждой конкретной ситуации. Необходимым условием для этого является феноменологическая позиция, описанная Э. Гуссерлем и осуществляемая в результате “эпохе” (“заключение в скобки” собственного знания) и “конституирования интенционального объекта” (Гуссерль, 2000). Но интенциональными объектами при этом оказываются и Я, и Мир. При встрече с “экзистенциально новым” происходит согласование имеющих экзистенциальное значение Я-содержаний и Мир-содержаний. Отмеченные закономерности позволяют рассмотреть сложные взаимосвязи чувств и рефлексии в развитии и в установлении отношений с окружающим миром и с собой.

Обычно переживание потери воспринимается клиентом как проблема. Приобретение начинает восприниматься как проблема лишь в тех случаях, когда оно сопровождается различными формами потерь. В данной работе мы, в основном, говорили о четко определяемых потерях и приобретениях, не касаясь их возможных сложных взаимосочетаний.

Рассмотрим в заключение один из ключевых практических вопросов. Какова тактика психотерапии в отношении “видимого”? Зависит ли она от того, насколько “охвачен” клиент своими потерями либо приобретениями, и какова выраженность этого состояния?

Следует отметить, что в некоторых случаях, особенно на начальных этапах терапии, высокая выраженность охваченности способна практически исключить работу с противоположным семантическим полюсом. Любая попытка обращения к нему может оказаться столь болезненной, что разрушит терапевтический альянс. “Копинговые” реакции представляют собой своеобразные формы “заблокированности” фактом потери либо приобретения. Иногда проходят месяцы терапии, прежде чем становится возможной необходимая онтологическая дистанция, позволяющая затронуть на сессии тематику, связанную с противоположным семантическим полюсом. Искусство терапевта заключается в этих случаях в том, чтобы суметь с пользой для клиента выдержать этот, казалось бы, не связанный с конкретной травмирующей ситуацией “марафон” (такие примеры чаще встречаются в ходе среднесрочной и долгосрочной терапии). По прошествии определенного времени клиент вдруг начинает “прозревать”, у него как бы открывается “второй глаз” и зрение приобретает качество “бинокулярности”. Это создает возможность для окончательного прощания со старым. С подобными случаями довольно часто приходится сталкиваться и в повседневной жизни. Тогда мы можем увидеть парадоксальную динамику позиции, которую человек занимает по отношению к одному и тому же вопросу. Но

самая возможность видения противоположного семантического полюса обратно пропорциональна той степени выраженности, которая присуща как состоянию эмоциональной охваченности, так и децентрированности Я. Это означает, что в известном смысле *перспектива ноодинамики обратно пропорциональна выраженности психодинамики*.

Клиенту необходимо помочь вернуть реальность настоящего и вероятность будущего. В случае потери рекомендуется начинать работу с ее интернализации. А при выраженном приобретении – с интернализации приобретения. Подобным образом удастся заглянуть за рамки жестких когнитивных схем (“пить плохо”, “наркотик меня убивает”, “не иметь детей – ужасно” и т.д.). Это становится вполне достижимым, если терапевт преодолеет собственные психологические проблемы и вместе с пациентом рассмотрит все выгоды токсикомании, азартных игр, табакокурения, голодной диеты и пр. Но в выборе темы решающим должно быть мнение клиента.

Динамика переживания потери и связанные с ней терапевтические шаги прекрасно описаны А.Лэнгле. При приобретении терапевтические шаги остаются примерно теми же самыми, однако внутренняя динамика переживаний пациента и ее поведенческое оформление имеют свои отличия. После обращения к реальности и чувствам, и в первом, и во втором случаях, я стараюсь посредством ряда последовательных шагов персонального экзистенциального анализа подойти с клиентом к определению баланса обратимого и реального, персонального и мнимого в потерях и приобретениях. При потере мы начинаем работу с вопросов: Что (кого) вы потеряли? Как это произошло? При приобретении, соответственно: Что (кого) вы приобрели? Как это было? Необходимо *быть с клиентом* в его потере и в его приобретении. Рассмотрение этих вопросов может проводиться с использованием большого набора Эго-центрированных и не-Эго-центрированных техник. Наряду с экзистенциальным анализом я обычно использую методы символ-драмы, когнитивно-поведенческие подходы, адресуя их к различным структурам психической индивидуальности, участвующим в формировании экзистенциальной разомкнутости Я и Мира. Благодаря этой работе индуцируется проживание реальности настоящего, открывающее дорогу заботе, устремленной в будущее и разнополюсной познавательной динамике. Если позволяет степень эмоциональной “заряженности” клиента, можно переходить к исследованию противоположного семантического полюса. Данная возможность определяется самим механизмом переживания.

Конституирующая психодинамическая составляющая переживания напоминает маятник или качели. Чем больше размах, тем выраженной движение в противоположную сторону. И психотерапевт должен помочь этой

естественной динамике. На данном принципе основаны также разнообразные парадоксальные методы психотерапии, которые должны рассматривать свое влияние на пациента и клиента в аспекте целостного переживания, учитывая его эмоционально-образную и когнитивную составляющую, а также поведенческие последствия. Таким же принципом руководствуется и клиническая естественнонаучная психотерапия, помогая пациенту проживать характеризующие его депрессивные, ипохондрические и тревожные нарушения.

По мере возможности и необходимости подключаются специфические шаги, обусловленные конкретным содержанием проблемы (при агрессии, утрате, страхе смерти и др.), где выделяются оба отмеченных выше аспекта. Баланс приобретений и потерь рассматривается в широком клинико-психологическом диапазоне в рамках экзистенциальной философии жизни. Достраивается также необходимый диапазон онтологического заднего плана. Причем клиент иногда предпочитает начинать работу с рассмотрения проблемы на определенной дистанции. В этих случаях я следую за ним, обращая его впоследствии и к чувствам. Благодаря этому общетеоретические представления становятся шагом к выработке персональной позиции, и онтологическое фундирует онтическое. Таким образом, в результате аналитической работы реализуется экзистенциальное отношение к расстройству как к чему-то такому, что дает надежду на личностный рост.

Следует отметить, что начало терапии с рассмотрения онтологического заднего плана в целом более характерно для консультативной работы, а обращение к чувствам – для психотерапии в рамках персонального экзистенциального анализа.

Все упомянутое выше позволяет сделать практические выводы о необходимости исследования способности клиентов к операциональной и сущностной трансценденции, о целесообразности изучения наиболее присутствующих им способов мобилизации энергии с опорой на различные структуры психики, о важности анализа опыта переживания приобретений и потерь, опыта прощания со старым. Ответы на эти вопросы дают нам ценную информацию о структурных особенностях психики наших клиентов, а также позволяют при помощи конкретных терапевтических шагов, стимулирующих самопознание клиента, расширить осознаваемый им опыт операциональной и сущностной трансценденции, с последующим его поведенческим закреплением.

Подводя итог данной публикации, можно отметить, что нами дана общая характеристика “феномена экзистенциально нового”. Рассмотрены структурные гносеологически-онтологические закономерности особой формы *Dasein*. Предложен взгляд на интенционально-трансцендентную природу человека, одним из аспектов которой является “феномен экзистенциально

нового”. Дана достаточно разноплановая характеристика данного феномена, включающая ноодинамические, психодинамические и символические аспекты. Описаны некоторые формы приобретений и потерь и варианты их динамики.

Проведенное исследование позволило увидеть ряд важных практических аспектов *Dasein*-анализа и экзистенциального анализа, раскрывая взгляд на психотерапию как на нахождение персональной позиции в виде баланса приобретений и потерь.

Представленная работа является лишь первым прикосновением к проблеме. Многие ее важные детали пока, к сожалению, остались за рамками рассмотрения. Целый ряд заслуживающих внимания тем лишь кратко обозначен. Развитие их станет возможным после специального антропологического исследования феноменов приобретения-актуализации и потери-регламентации.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что обращение к идеям Ф.Брентано, Э.Гуссерля и М.Хайдеггера в наши дни вполне оправдано и весьма плодотворно, поскольку накопление антропологических знаний расширяет те видимые возможности, которые содержит в себе фундаментальное теоретическое наследие.

ЛИТЕРАТУРА

- Августин А. *Исповедь*. М., Азбука, 1999, 392 с.
- Бинсвангер Л. *Бытие в мире*. М., Рефл-бук, 1999, 332 с.
- Больнов О.Ф. *Философия экзистенциализма*. СПб., ЛАНЬ, 1999, 222 с.
- Брентано Ф. *О происхождении нравственного познания*. М., АЛТЕЙЯ, 2000, 185 с.
- Бубер М. *Два образа веры*. М., Республика, 1995, 464 с.
- Гуссерль Э. *Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука*. Мн., Харвест, М., АСТ, 2000, 752 с.
- Кьеркегор С. *Наслаждение и долг*. Ростов на Дону, “Феникс”, 1998, 415 с.
- Лэнгле А. *Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью*. МПЖ, № 1, 2001, с.5-23.
- Лэнгле А. *Грандиозное одиночество*. МПЖ, № 2, 2002, с.34-59.
- Маслоу А.Г. *Дальние пределы человеческой психики*. СПб., Евразия, 1997, 430 с.
- Мэй Р. *Вклад экзистенциальной психотерапии*. В кн.: *Экзистенциальная психология. Экзистенция*. М., Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2001, с.141-201.

- Моник Ю. *Кастрация и мужская ярость. Фаллическая травма.* М., РАДУГА, 1999, 87 с.
- Самуэлс Э. *Юнг и постюнгианцы.* М., Че Ро, 1997, 443 с.
- Сосланд А. *Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии.* М., Логос, 1999. 368 с.
- Тиллих П. *Систематическая теология. Том 1-2.* М.-СПб., Университетская книга, 1998, 463 с.
- Франкл В. *Воля к смыслу.* М., Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000, 368 с.
- Фрейд З. *Я и Оно. По ту сторону принципа удовольствия.* М., АСТ, 2001, 158 с.
- Хайдеггер М. *Бытие и время.* М., AD MARGINEM, 1997, 451 с.
- Юнг К.Г. *Либи́до, его метаморфозы и символы.* СПб., Восточно-европейский Институт Психоанализа. 1994.
- Ясперс К. *Введение в философию.* Мн., Пропилеи, 2000, 192 с.
- Laengle A. *Personale Existenzanalyse.* // In: Laengle A. (Hrsg.) *Wertbegehung Phänomene und metodische Zugänge.* Wien: GLE-Verlag, 1993. 133-160.